

Соловьев А.И.

Электоральная политика современного российского государства

Во всем мире политика государства неизменно корректируется и трансформируется в связи с задачами и протеканием очередных электоральных циклов. В России летними выборами в Санкт-Петербурге, Чечне и некоторых других регионах страны уже стартовал очередной электоральный цикл, который в настоящее время разворачивается в виде готовящихся парламентских, а затем президентских выборов и должен завершиться в следующем году циклом избрания глав более чем 30 регионов. Однако, понять возможности влияния результатов этого цикла на политику государства, а в какой-то мере и предсказать результаты электорального выбора россиян, можно только осознавая те условия проведения выборов, которые сложились в нашей стране.

Последние годы отчетливо выявили те структурно важные компоненты политической игры, которые характеризуют особенности электорального процесса в целом. К таким показателям я бы прежде всего отнес постоянно возрастающее влияние элитарных групп (особенно в регионах), которым удается во все большей степени контролировать, регулировать, а в ряде случаев непосредственно управлять ходом выражения электоральных предпочтений. Неизбежными результатами такой стилистики действия становится возрастающее применение административных ресурсов, снижение конкурентности и деидеологизация выборов. Причем, как можно видеть на последних примерах региональных выборов, власти уже не стесняются применять технологии «принудительного голосования», лишая «своего» кандидата основных противников, закрывая глаза на несоответствия численности проголосовавших граждан и имеющих право голоса и т.д.

С другой стороны, этим же результатам способствует и все возрастающее влияние проправительственных партий («партий власти»), формализующих процесс презентации гражданских интересов. Понятно, что население не может не реагировать на такие тенденции. Естественными ответами граждан на такие централизующие их выбор формы управления становятся резкое нарастание простестного голосования (в том числе и голосования против всех), а также снижение участия населения в выборах всех уровней.

Однако, следует отметить, что, несмотря на все попытки управления электоральным выбором граждан, его встраивания в единую политику государства, именно этот процесс до последнего времени был едва ли ни самым проблемным для правящего режима. Незапланированность применения электоральных механизмов сильно беспокоила власть, сужала поле ее политического маневра. По сути, если обратиться к краткой характеристике российского политического процесса в целом, то можно увидеть, что электоральная политика оставалась до недавнего времени самым проблемным для властей звеном.

Конечно, следует признать, что попытки управления избирательным процессом и соответствующего конструирования общественного мнения предпринимались и режимом Ельцина. Однако, тогда поставить под контроль избирательный процесс власть не сумела. В настоящее же время ситуация существенно изменилась: обретенные ресурсы легитимности и институциональный контроль за представительной властью дал возможность существенно усилить позиции в этом вопросе.

Так, образование федеральных округов, унификация регионального законодательства и ряд других аналогичных шагов выявили явную тенденцию к

централизации власти, снижению политического разнообразия в регионах и на местах. Сопутствующее этому процессу установление политико-административного контроля на Советом Федерации, а также существенная деполитизация Государственной Думы оставила исполнительную власть в качестве – даже не главного, а единственного – генератора политических идей и проектов общественного развития. К отмеченным характеристикам стоит добавить и восстановление функций «большого КГБ» в рамках ФСБ, подтверждающему стремление власти к усилению своего централизованного влияния и контроля.

Существенным условием сохранения такого монолитного политического проектирования стала «зачистка» информационного рынка, устранившая – в виде телекомпаний НТВ, ТВС, газеты «Сегодня» и некоторых других СМИ – самую возможность масштабного распространения каких-то не совпадающих с официальными позициями (оппозиционных) идей. И хотя власть и сегодня не в состоянии полностью контролировать медиа-повестку, однако возможности ее оппонентов – причем из всех политических лагерей – принципиально еще меньше.

Непременным штрихом в политическом портрете российского общества в последние два года стали и формы давления власти на гражданские и бизнес-структуры, по сути устранившие этих контрагентов с арены публичной политики. Особенно погубно эта политика отразилась на бизнес-сообществе, демонстрировавшим логику последовательного включения в формирующееся гражданское общество. Последовательно сменявшие друг друга тактики «равноудаления» олигархов от власти, «раскола» бизнеса и «пресечения противоправной деятельности» неплательщиков налогов избавили власть от многих социальных инициатив предпринимателей.

Но особо следует сказать о результатах партийной реформы, в еще большей степени, нежели выше перечисленные факторы, сказавшиеся на возможностях электорального процесса. Как известно, принятый закон «О политических партиях», а также новая редакция закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ» создали принципиально новые условия для осуществления электорального выбора населения. Несмотря на достаточно низкий авторитет партий в общественном мнении – что предполагало хотя бы включение механизмов их более гибкой адаптации к политическим предпочтениям граждан – этот институт стал занимать монопольное положение на избирательном рынке. (Например, общественные объединения в этот году последний раз участвуют в выборах, оставляя это поле для их исключительного пользования). Более того, жесткая правоприменительная практика, контроль за финансовым состоянием многих оппозиционных организаций де-факто привели к абсолютному преимуществу на политическом рынке федеральных партий, имеющих свое представительство в парламенте.

Формирование исполнительными структурами разнообразных проправительственных партий («партий власти») дало им возможность более полномасштабной популяризации своей политики. Одновременно партии власти превратились в мощный канал перекачки бюджетных средств в политику и центром притяжения средств бизнеса, которые также использовались для усиления позиционирования политики правящего режима. Не удовлетворяясь таким течением событий, исполнительная власть сформировала и непосредственно административную партию – «Единую Россию». Собственно, это был не новый ход, поскольку, как показывает история, власть к каждому выборам создавала такую проправительственную партию. Но случай с «Единой Россией» – особенный. Ведь будучи инициированной чиновничьими структурами и создавая по мере своего становления весь необходимый для партий политико-идеологический шлейф, она тем не менее осталась прямой формой представительства власти на поле партийной политики.

Думаю, что применяемый властью стиль «партийного контроля» указывает на боязнь потери правящими группировками своего положения. Возможно власть опасается того, что сегодня не сработают ни модель регионального экономизма (предполагающей, что там, где уровень жизни не падает, там люди голосуют за представителя власти), ни модель «постсоветского регионализма» (когда Центр заручается поддержкой губернатора на выборах, оставляя ему значительную свободу в других частях политико-экономического пространства). С некоторыми вновь избранными губернаторами, которые уже более 10 лет пребывают на своем посту, власти договориться удалось. Но, видимо, уверенности, что у сохранивших свое положение руководителей достаточно ресурсов для обеспечения правильных результатов выборов – все равно нет. Так что для подстраховки своего положения ею и была создана структура «административно-партийной поддержки». Одновременно эта конструкция стала использоваться и для усиления давления Центра на региональные власти.

Как бы то ни было, но «Единая Россия», выступая под личиной центристской «партии», дала возможность представителям государственной администрации использовать в своих целях возможности системы представительства гражданских интересов. Иными словами, не партия стремилась к власти, а власть поимела себе партию для осуществления необходимых ей проектов.

Не случайно после обретения «Единой Россией» доминирующего положения на партийном рынке и, как следствие, получение ею вполне обоснованных претензий на лидерство в Государственной Думе, наверху стали озвучиваться мысли об «ответственном правительстве», более «полном учете» расклада сил в нижней палате российского парламента при формировании правительства и структур исполнительной власти. Таким образом и правительство «на законном основании» укрепило бы позиции совершенно определенных политических сил.

Внешне напоминающее механизм формирования власти, характерный для парламентских республик, такое положение в условиях сокращения конкурентности политического процесса грозит для России отнюдь не демократическими последствиями. Особенно, если учесть, что вертикаль власти укрепляется и иными методами.

Так, – поскольку нынешние законы предписывают избрание по партийным спискам половины региональных законодательных собраний, то в условиях политического доминирования «центристов» на местах стала возникать система контроля Центра. А многие губернаторы для сохранения своего политического влияния на законодателей стали вынуждены сами создавать ячейки «Единой России». Для полноты картины следует упомянуть не только об ослаблении влияния губернаторов на местные представительные структуры, но и снижение возможностей у независимых кандидатов, избираемых по мажоритарным округам.

Но подлинно принципиальным значением для выстраиваемой конструкции власти стало недавно появившееся разрешение чиновникам класса «А» вступать в политические партии. По сути это создало возможность для сближения и даже кадрового сращивания аппаратов государства и главной «партии власти». И так возникшая как форма объединения чиновничества, «Единая Россия» стала не только притягательным, но и вполне легальным местом пребывания заинтересованным в карьерном росте бюрократов. Одним словом, массовый призыв в партию лояльных руководителей всех уровней – не за горами. Характерно также, что уже наблюдаются факты, когда федеральные министры прибывают в Думу не для общения с депутатскими группами, а для дискуссии (отчета ?) в одной фракции «Единой России».

Нельзя не отметить и утверждаемый вполне манипулятивный стиль электоральной деятельности этой организации (впрочем, клонируемый и другими

партиями). В частности, в настоящее время раскручиваемые брэндовые фигуры (Грызлова, Шойгу, Лужкова), используемые «Единой Россией» для привлечения общественности, не планируют работать в парламенте. Понятно, что их место займут люди из партийного списка, которых общество не знает, но которым будет вынуждено доверять, доверяя партийным лидерам. Однако в российской истории есть примеры того, как в результате такой технологии выборов, в прошлый состав Государственной Думы попало немало лиц с уголовным прошлым (а по некоторым данным даже с непогашенными судимостями).

Коротко говоря, за последние два года в российском обществе была в значительной степени – хотя бы формально – воссоздана прежняя советская матрица власти, предполагающая централизованную модель государственного управления на основе устойчивого доминирования одной партии, второстепенную роль представительных органов и политическую пассивность значительной части населения, сильные позиции силовых структур и ряд других более второстепенных моментов.

Было бы неверно сугубо негативно оценивать произошедшие изменения в организации власти. В значительной мере многие действия властей были вызваны необходимостью укрепления – а частично даже и формирования – базовых структур национального государства, предотвращения его территориального распада и повышения уровня управляемости общественными отношениями. Однако, строить государственность можно по-разному. И укрепление демократических оснований власти тоже могло бы решить аналогичные проблемы.

В то же время сегодня политическое проектирование Центра явно ориентировано на вполне определенные приоритеты. Иными словами, система власти в обществе выстраивается так, чтобы именно правящим структурам было удобно контролировать, управлять и регулировать социальные и гражданские процессы. А то, что таким образом формирующаяся матрица власти пренебрегает людскими потребностями и отсекает множество интересов граждан, подавляет инициативу населения, навязывает людям собственные представления о приоритетах и способах деятельности, в расчет не принимается. По сути власть в самый ответственный период, в «нежный» период становления демократии, когда население только начинает чувствовать потребность в своем осознанном выборе, влиянии на государство, жестко ограничивает коридор артикуляции интересов и средств их выражения.

Проявления полемичности дискурса, издержки электорального выбора и иные «просчеты» политической активности граждан слишком непосредственно связываются властью с недопустимыми рисками, угрозами нестабильности и потому считаются неприемлемыми. Поэтому нынешний режим не желает терпеть издержки научения граждан демократическим ценностям, прививания им соответствующих стандартов и образцов поведения. Формы мобилизованного участия, дисциплинарной государственности, управляемой демократии, выстраиваемой по заранее заготовленным меркам власти, выступают более предпочтительным направлением деятельности.

Конечно, в той мере, в какой централизованная власть руководствуется здоровыми и перспективными целями, создавшееся положение в системе власти и управления может давать вполне положительные для общества результаты. Однако, в любом случае ясно, что общество становится при такой форме правления заложником идей и приоритетов достаточно узкой группы правящего класса. Достаточно поменять верхушку этой конструкции и машина власти начнет столь же уверенно действовать в ином, а возможно и в противоположном интересам населения направлении.

В любом случае следует констатировать, что существеннейшими структурными изъянами сложившейся системы власти является ее отрыв от гражданских объединений, устранение стимулов для развития партийной системы, усиление

политического контроля за органами представительной власти. Благодаря повышению прерогатив элитарных группировок и снижению гражданской активности, власть политически обезвоживается, закрывается от общества. Другими словами, складывающаяся государственность начинает развиваться по логике, крайне слабо связанной с динамикой общественного организма. Ну, а куда приводит политика, слабо реагирующая на общественные запросы, хорошо видно из советской истории.

Такое положение в системе власти работает на закрепление политического статус-кво, при котором замедляется обновление правящего класса, а инициатива гражданских структур выключается из механизмов развития политики.

Понятно, что в русле такого рода усилий власти и электоральная политика не могла не стать составной частью режима управляемой демократии. Помимо формирования обозначенных выше структурных условий, власть хорошо отработала и те приемы и технологии, которые позволяют ей либо добиваться намеченных результатов выборов, либо достаточно надежно контролировать выигравших избирательную гонку политиков. По крайней мере, в ключевых регионах или же на выборах федерального масштаба сбоев, как правило, не бывает.

Суммируя сказанное, можно утверждать, что, в конечном счете, в таком образом выстраиваемой структуре правления избирательные процессы – впервые с начала перестроечных и постперестроечных процессов – практически полностью интегрировалась в процесс воспроизводства государственной политики. Обретя ресурсы, способные контролировать ход выборов в стране и большинстве регионов, государство превратило очередной электоральный цикл в механизм конструирования правящим режимом новых звеньев «управляемой демократии».

Новое позиционирование электоральной subsystemы предполагает возможность достаточно надежного прогнозирования некоторых будущих изменений в пространстве российской политики. Понятно, что грядущая победа «Единой России» даст возможность использовать ее доминирующее положение в парламенте – а также организационные структуры на местах – для проведения успешной президентской кампании. Образующаяся связка «президент-парламент» в свою очередь станет базой для режиссирования региональных выборов и дальнейшего «усмирения» местных режимов. Возможно также, что такие ресурсы будут использованы и для укрупнения административной структуры федерации.

Заключая, подчеркну, что идущее сегодня огосударствление электорального процесса сохраняет существенные риски и для усиления консервативной стабилизации общества, и общего замедления политических и социально-экономических реформ, и снижения демократического рейтинга России в глазах мирового общественного мнения.

Дискуссии. Применительно к оценке информационных технологий в электоральных кампаниях можно утверждать, что их роль принципиально меняется. В этом плане вряд ли продуктивно сравнивать отдельные приемы обеспечения выборов сегодня с внешне похожими приемами в позапрошлом веке. Появление элементов кибердемократии, качественно иное ресурсное обеспечение информационной работы принципиально меняет возможности выборов. Думаю также, что вряд ли стоит критиковать и «американизацию» политико-информационного пространства. Да, американцы первыми применили на выборах и телевидение, и технологии шоу-бизнеса. Но теперь в условиях становления информационного общества использование таких приемов становится стандартным приемом. Сегодня во многих странах – в том числе и России – главным электоральным механизмом становится не стихийная игра политических сил, столкновение воли и позиций, а режиссура избирательных кампаний, медиа-стратегии, предпринимаемые властью или другими крупными политическими игроками.

И это не удивительно, поскольку медиа-рынок – это самая быстро прогрессирующая часть политического рынка, оказывающая принципиальное воздействие на все компоненты избирательного процесса. И чем пластичнее будут медиа-стратегии, тем эффективнее станут реализовываться и избирательные цели.

Характерно, что источником такого рода электоральной стилистики становятся не только правящие или партийные элиты, но и сами граждане. Именно для них информирование о целях партий является более удобным средством обретения позиций, нежели участие в идеологической борьбе, усвоение программ, заглупление в различные хитросплетения смыслов и интриг. Этот стиль, предполагающий легкие, поверхностные, но, тем не менее, достаточные для ориентации граждан, поддержание контактов политических институтов с населением, стремительно занимает место в политике.

Проще говоря, уже не партийная программа (предполагающая политическую идентификацию индивида), а имидж лидера, рекламная информация, транслирующая важнейшие обещания кандидатов (достаточные для включения индивида в политическое пространство) – вот эпицентр современной политики.

Конечно, традиции и механизмы представительной демократии сдерживают новые информационные технологии. И в этом плане Франция со своими демократическими корнями, традиционно высокими стандартами гражданского участия неизбежно отстает от таких информационно продвинутых сообществ. Демократия еще активно сопротивляется таким нововведениям. Но кризис представительной демократии затрагивает все стороны политики, в том числе и электоральный процесс. В России же напротив, благодаря рыхлости ее политического пространства и отсутствию сколько-нибудь демократических традиций, такие информационные технологии проникают в электоральный процесс значительно быстрее. Более того, рекламные приемы начинают подтягивать до своих стандартов и иные сегменты рынка, политические отношения и связи в российском обществе.

Чечня. Должен сразу сказать, что выборы в этнически расколотом обществе всегда сложны. Ну, а в условиях вооруженного конфликта выборы вообще не могут претендовать на ту политическую роль, которую от них можно было ожидать – т.е. определение свободного волеизъявления гражданского населения, получение репрезентативных данных о пристрастиях и предпочтениях граждан. Так что применять к Чечне стандарты традиционного, тем более демократического электорального процесса в принципе невозможно. Сегодняшняя ситуация в Чеченской республике такова, что там приходится решать многие проблемы, среди которых выбор политических приоритетов или повышение легитимности своих лидеров просто отсутствуют. Чечня – это клубок проблем, многие из которых имеют вполне универсальное значение.

Так, например, мировая практика показывает, что кризис международного права не дает возможности однозначно решить проблему получения независимости той или иной внутренней территорией конституционно единой страны. Столь же сложна и неоднозначна и оценка права международного сообщества применять технологии «гуманитарного интервенционизма» по отношению к нарушителем прав человека. Столь же сложны и геополитические конфликты, складывающиеся в этом районе.

Поэтому повторюсь: выборы в Чечне – это политический проект, который решал совсем другие задачи.

Представляется, что российская власть (и связанные с ней силы в регионе) решала на выборах президента Чечни четыре основных задачи. Первая – это сохранение конституционного и политического контроля за территорией республики и сохранение федерации. В этом смысле формального проведения выборов вполне хватало, чтобы оправдать сохранение там достаточных силовых ресурсов Центра.

Вторая задача – заключение договора с региональным лидером. Это один из базовых элементов и механизмов сохранения стабильности на местах. Но такие задачи не являются какими-то исключительными, власть поступает так во всех и прежде всего проблемных регионах. Думаю, что после избрания Кадырова у власти существует надежда, что экономических рычагов будет вполне достаточно, чтобы притушить конфликт. Третья задача – придание внешней легитимности происходящего в глазах мирового общественного мнения. И четвертая – «решить» проблему Чечни для российского общественного мнения, точнее – той его части, которую уже «утомило» наличие данного конфликта. Поэтому власти надо было локализовать и хотя бы внешне погасить этот конфликт, вывести его проблему из публичного политического дискурса. В любом случае понятно, что приспевшая формальная легитимность чеченского руководства даст возможность перевести эту проблему в разряд уже не катастрофических проблем развития общества, а очередных бюджетных склок Центра и региона. Таким образом еще раз хочу повторить: поиск внутренней легитимности чеченской власти, работа с общественным мнением Чечни не являлась каким-то особым приоритетом деятельности властей. Действительно, как можно сравнивать мнение нескольких сот тысяч жителей с общественным мнением десятков и сотен миллионов граждан? Для власти эта арифметика абсолютно ясна.

Важно подчеркнуть и то, что осуществления задуманного власти подготовили соответствующие ресурсы, кадровые силы. Ну, а технологии были опробованы и отработаны уже заранее. Хорошо известно, что в российском электоральном поле случаи, когда избирателей было больше, нежели проживало в этом регионе, уже встречались. Так же как и выведение из игры наиболее авторитетных противников «своего» кандидата.

Одним словом, шкала обычных выборов, электоральная диагностика здесь неприменима. Чтобы видеть смысл происходящего, нужно смотреть на данные события в более широком масштабе, с точки зрения реальных интересов правящего режима и характерных для него приемов достижения цели.